

Высокий гэр чертами лица немного походил на Сяо И. Если не присматриваться, это едва заметное сходство было трудно уловить. Линь Мудун наблюдал внимательно, но не мог понять, кто перед ним, поэтому не решался говорить лишнего.

— Сяо И сейчас нет дома, — тихо напомнил он, надеясь лишь на то, что эти двое пришли именно к Сяо И.

Рядом с высоким гэром стоял плечом к плечу хорошенький молодой гэр. Они оба проигнорировали слова Линь Мудуна и медленно оглядели его с головы до ног. Затем почти одновременно отвернули лица, прикрыли губы и тихо рассмеялись с явной насмешкой. Презрение в этом смехе было невозможно не заметить.

Линь Мудун немного растерялся и крепче сжал бамбуковую корзинку. Он решил просто обойти их и поскорее уйти, чтобы не навлекать на себя лишние неприятности.

Но высокий гэр внезапно протянул руку и толкнул его:

— Кто разрешил тебе уходить?

Линь Мудун не ожидал нападения. Он пошатнулся и ударился о деревянную калитку. Мелкие щепки впились в кожу, и он, испуганно поморщившись от боли, схватился за плечо.

— Слышал, Сяо И собирается жениться на тебе? — процедил сквозь зубы хорошенький гэр.

Линь Мудун наконец понял, в чём дело. Увернуться он уже не успевал. Раз выйти не дают, значит, лучше вернуться во двор и спрятаться там. Но эти двое сразу встали по обе стороны и зажали его между собой. Линь Мудуна толкали то с одной стороны, то с другой; несколько раз он едва не упал на землю.

Он поспешно попытался объяснить:

— Он вовсе не собирается на мне жениться. Просто разрешил мне пожить здесь несколько дней...

Он хотел сказать ещё что-то, но его тут же перебили.

— Ты уже поселился у него дома, кто знает, что между вами там происходит. Бесстыжий, — во время очередного толчка высокий гэр исподтишка больно ущипнул Линь Мудуна.

Сяо И приходился ему двоюродным старшим братом, а Чжао Шуан был его приятелем. Он давно хотел свести их вместе, но кто же знал, что какой-то чужак успеет его опередить. Чжао Шуан, плача и жалуясь, пришёл искать его и заодно начал сердиться на него самого, без конца

упрекая: ведь это он тогда собирался познакомить его со своим двоюродным братом, а теперь место рядом с Сяо И занял кто-то другой. В последние дни разговоры ровесников-гэров в деревне так давили на него, что он едва мог поднять голову. Сяо Цици, с одной стороны, хотел вступить за приятеля, а с другой - чувствовал, что потерял лицо.

Для гэров и девушек доброе имя было чрезвычайно важно, особенно если они ещё не вступили в брак. Услышав, как тот без всяких оснований порочит его и Сяо И, Линь Мудун всё же рассердился. До этого он терпел лишь потому, что боялся навлечь неприятности на Сяо И: в конце концов, он жил в чужом доме. Но когда дело коснулось чести и репутации, Линь Мудун уже не собирался позволять другим безнаказанно поливать его грязью. Если бы речь шла только о нём самом, ещё ладно, но втягивать в это Сяо И было нельзя.

Линь Мудун посмотрел на него:

— Между мной и Сяо И не было ничего непристойного. Он согласился помочь мне, потому что он хороший человек. А вот ты с каждым словом порочишь чужую репутацию - так порядочные люди не поступают. Даже если я ему не нравлюсь, ты ему тем более не понравишься.

Линь Мудун моргнул, выглядя при этом совершенно искренним. Его спокойный тон на мгновение ошеломил Чжао Шуана. Тот сжал пальцы так сильно, что ногти впились в ладони.

Линь Мудун добавил:

— Ты ещё и немного некрасивый.

Сказал он это так, словно просто констатировал очевидный факт.

Грудь Чжао Шуана тяжело заходила вверх-вниз. Он ткнул пальцем сначала в Линь Мудуна, потом в собственное лицо и от ярости не смог вымолвить ни слова. Он считался самым красивым молодым гэром во всей Сяохэ, мужчины, желавшие посвататься к нему, едва не истоптали порог дома - и этот человек смеет говорить, что он некрасивый?

Пока оба не пришли в себя, Линь Мудун поспешно юркнул за деревянную калитку и, ухватившись за косяк, высунул наружу лишь маленькую голову.

— И ещё ты смуглый, как кусок древесного угля. Когда мои родители покупали уголь к Новому году, даже они не брали такого цвета.

Чжао Шуан тут же бросился к нему, собираясь ударить. Сяо Цици остолбенел на месте: ему и без того было неприятно, что они оказались в проигрыше, а теперь он тоже пришёл в ярость.

Линь Мудун испуганно сжался. Он очень боялся, что его ударят, поэтому зажмурился и обеими руками вцепился в стоявшую у стены метлу.

— И грубый ты ещё, а как глаза вытаращишь - вылитый Чжун Куй*.

(ПП: это легендарный персонаж китайской мифологии, известный как истребитель демонов. Изображается с красной кожей и выпученными глазами)

Пусть Линь Мудун и боялся, рот у него всё равно не закрывался. Он повернул голову к Сяо Цици:

— И ты некрасивый. Слишком высокий, совсем как мужчина.

— А-а-а, я тебя убью! — лица Чжао Шуана и Сяо Цици сменили едва ли не все цвета сразу. Вне себя от ярости, они бросились внутрь, собираясь его избить.

У Линь Мудуна сердце подскочило к горлу, и он торопливо захлопнул деревянную калитку. Следом послышалось лишь, как две живые стены с размаху врезались в неё и вскрикнули от боли.

Заперев засов, Линь Мудун наконец выдохнул. Но стоило вспомнить всё, что только что произошло, как ноги у него подогнулись. В уголках глаз выступили слёзы и тут же покатались наружу.

Что же делать? Он навлѣк на Сяо И неприятности.

Лишь теперь, когда всё закончилось, Линь Мудун по-настоящему испугался. Он спрятался в дровяном сарае, свернувшись за высокой грудой дров.

А Сяо И в это время находился далеко, в городке, и понятия не имел, что произошло дома. Поздняя осень становилась всё холоднее, поэтому дрова и древесный уголь продавались лучше всего. Помимо телеги дров, Сяо И обычно собирал и уголь, остававшийся после топки очага. За весну и лето как раз набралось шесть больших кувшинов. Один он оставил дома на зиму, а остальные решил продать. Обычный древесный уголь стоил куда дешевле серебряного угля. Когда его взвесили на безмене, вышло всего тридцать цзиней; по рыночной цене - десять вэней за цзинь. Весь уголь разом купила семья, жившая у входа в переулок. Раз они могли одним махом выложить триста вэней, видно, дом был весьма зажиточный.

Сяо И не владел настоящим мастерством углежжения и дорогой серебряный нитяной уголь делать не умел. Зато обычный древесный уголь у него получался неплохой, почти без едкого серого дыма, поэтому покупателей хватало.

С тремя сотнями с лишним вэней в кармане он отправился на западный рынок закупать всё необходимое для дома. Зелѣный сычуаньский перец покупать не требовалось: кусты за домом как раз стояли густые и зелѣные, подошёл сезон сбора.

Он купил несколько лян кунжутного масла. Совсем немного, а стоило больше тридцати вэней. Для обычной готовки такое масло было слишком жалко расходовать, зато если капнуть пару капель в яичный крем на пару, аромат получался превосходный.

Он купил немного свинины и тофу и сложил всё на повозку. Напоследок Сяо И зашёл в кузницу и наконец забрал нож, о котором всё это время думал. После ремонта мастер заодно по доброте наточил клинок, и теперь тот стал чрезвычайно острым.

Когда все покупки были сделаны, у него осталось лишь сто восемьдесят вэней. Они с Дацияном погнали повозку по знакомой дороге домой. Солнце садилось за западные горы, вечерний ветер проходил над полями, и рис волнами перекачивался под ним.

Сяо И выгрузил покупки во двор и огляделся. В доме стояла тишина, а Линь Мудуна нигде не было видно. Зато все сорняки во дворе исчезли. Всё вокруг сразу стало выглядеть чисто и свежо, и Сяо И невольно удивился. В груди появилось какое-то трудноописуемое чувство. Словно это место вдруг и правда стало похоже на дом.

Когда отец ещё был жив, он тоже любил держать всё в чистоте и порядке.

В сердце Сяо И что-то шевельнулось, будто нечто понемногу пробивалось наружу из-под земли. Молодой мужчина, который даже за руку ни одного гэра не держал, откуда он мог понимать что-либо в любви и чувствах? Он знал лишь одно: сейчас ему очень хотелось сказать Линь Мудуну хотя бы пару слов. Сяо И подошёл к двери восточной комнаты. Поднял руку, но тут же опустил - так и не придумал, что сказать. К тому же внутри не было ни звука, и тревожить человека без причины было неудобно.

Сяо И развернулся и вернулся во двор, затем отнёс купленные благовония и свечи в главную залу. Стоило войти, как он сразу заметил перемену: здесь стало ещё чище. Даже поминальная табличка его отца была без единой пылинки, а в курильнице остались следы от трёх недавно догоревших палочек благовоний.

Сяо И на мгновение застыл. Спрашивать было ни к чему - он и так прекрасно понимал, чьих это рук дело. Некоторое время он смотрел на поминальную табличку, а потом вдруг улыбнулся. Сяо И поспешно вышел наружу: ему захотелось рассказать Линь Мудуну хорошую новость - он купил мясо и овощи.

Осенний ветер постепенно усиливался. Сяо И как раз раздумывал, с чего начать разговор, когда увидел, как Линь Мудун выходит из дровяного сарая.

— Ты всё это время был в дровяном сарае? — удивлённо спросил он, явно не подозревая, что Линь Мудун и прошлую ночь провёл там.

Заметив его покрасневшие глаза, Сяо И осёкся. На душе сразу стало тяжело, и ему захотелось понять, что произошло.

Линь Мудун прятался весь день. Когда он услышал, что Сяо И вернулся, сердце тревожно дрогнуло. Если Сяо И узнает о сегодняшнем происшествии, не выгонит ли он его?

Лицо Линь Мудуна побелело, а губу он прикусил так сильно, что выступила кровь. Но, как бы страшно ни было, он всё же решил сказать правду.

— Я... я, кажется, навлёк на тебя неприятности, — осторожно произнёс Линь Мудун, и ни в одном слове не было уверенности.

Линь Мудун не смел поднять голову и посмотреть на выражение лица Сяо И. Он даже дышать боялся, лишь опустил голову к самой груди. Сяо И, напротив, почти никак не отреагировал. Он и сам был тем ещё мастером навлекать неприятности, так что для начала стоило понять лишь одно - насколько серьёзной оказалась эта беда.

— Не переживай. В любом случае это не твоя вина. Сначала расскажи мне всё, а я разберусь, — уверенно сказал он, ни на мгновение не усомнившись в Линь Мудуне.

Линь Мудун удивлённо поднял глаза. Не было ни ожидаемой брани, ни слов о том, чтобы он убирался из дома. Он кивнул и начал выкладывать всё как на духу, словно рассыпал бобы из мешка:

— Сегодня утром приходил твой младший брат...

Рассказывал он долго, а под конец от возмущения уже начал путаться в словах. Совсем как ребёнок, которого обидели на улице и который, вернувшись домой, жалуется старшим.

Выслушав всё до конца, Сяо И заметно помрачнел, между бровей проступила тень свирепости. Он негромко сказал:

— Если они ещё раз придут, просто бери палку потолще и гони их прочь. Сяо Цици - гэр из семьи моего старшего дяди. Я с их семьёй почти не общаюсь и никогда не был с ними близок. Что до Чжао Шуана, мы живём в одной деревне, так что время от времени неизбежно встречались. Пару раз виделись, и только, — объяснил он.

Когда Сяо И был маленьким, их семья какое-то время жила очень бедно, и дни тогда были тяжёлыми. Старший дядя с женой боялись, что обедневшие родственники попросят у них денег, поэтому всячески их избегали. Даже когда умер отец Сяо И и он, ещё совсем юный, особенно нуждался в поддержке, семья старшего дяди осталась в стороне. Более того, они даже подумывали прибрать к рукам его поля. Хорошо ещё, что деревенский староста и другие рассудительные соседи не позволили им этого сделать.

Только семья второго дяди время от времени приносила немного еды. У деревенских и без того достатка было немного, поэтому уже то, что они помнили о нём и приносили мясо или овощи,

было немалым проявлением заботы. Сяо И просто умел терпеть лишения и сумел хорошо ухаживать за несколькими му земли. Позже, берясь за разовые поручения по сопровождению грузов и арендуя участки леса для заготовки дров, он понемногу скопил какое-то состояние. Когда семья старшего дяди увидела, что жизнь у него наладилась, они снова начали тянуться к нему и изображать особую близость.

— А если сам не справишься, просто зови тётушку Цай. В любом случае не позволяй себя обижать.

Сяо И не только не стал его винить, но ещё и вступился за него. Настроение Линь Мудуна словно мгновенно прояснилось: будто тяжёлые тучи рассеялись и на смену им пришёл ясный солнечный день. Он улыбнулся и изо всех сил кивнул, а его светлые глаза сияли, словно звёздная река над Сяохэ летней ночью.

Сяо И лишь невзначай бросил на него взгляд, но в груди вдруг стало горячо, и он услышал собственное сердцебиение, различимое только ему самому. Черты Линь Мудуна были тонкими и красивыми. Возможно, из-за голода во время бегства его лицо сильно осунулось и немного загорело, но природные данные у него были хорошими. Когда он улыбался, всё выражение лица оживало, даже руки украдкой двигались вместе с ним.

Совсем как крольчонок, которого Сяо И держал в детстве, - забавный.

Он ещё немного посмотрел, а заметив, что слишком уж засмотрелся, поспешно заговорил, чтобы скрыть неловкость.

— В мясной лавке в городке я купил три цзиня свинины, должно хватить на несколько раз. Ещё взял целую плиту тофу. Если на ночь положить его в колодезную воду, можно есть ещё три-пять дней.

Он выложил купленные продукты. Глаза Линь Мудуна сразу загорелись. Мясо, настоящее мясо. Но он не осмелился показать радость слишком явно. После бегства от бедствия он прекрасно знал, насколько мясо дорого для крестьянской семьи, и даже не смел надеяться, что ему самому достанется хоть несколько кусочков. Главное - он всё ещё был должен Сяо И деньги. Вернуть их пока не мог, поэтому оставалось лишь больше работать, чтобы хоть чем-то отплатить.

— Готовить умеешь? — вдруг спросил Сяо И.

И тут же добавил:

— Если нет, тоже ничего. Сяньюэ умеет, я отнесу продукты к Дацяну, попрошу её приготовить, а потом принесу обратно.

Сяо И никогда не церемонился с ними. Они с Дацияном, Шуньцзы и Чэнь Сяньюэ выросли вместе с самого детства и были почти как родные братья и сёстры.

Линь Мудун быстро закивал:

— Умею, умею. Ты отдохни, я сам приготовлю.

— Хорошо. Сегодня вечером поджарь чашку ломтиков мяса и нарежь немного тофу, на один ужин хватит, — сказал Сяо И. Он знал: если сам этого не велит, Линь Мудун даже лишний кусочек мяса не осмелится отрезать.

Линь Мудун юркнул на кухню и принялся хлопотать. Его мать прекрасно готовила, и Линь Мудун перенял от неё большую часть мастерства. Он знал, как сделать еду вкусной и при этом сберечь масло и продукты. Сегодня, когда он выходил собирать зелень, то заметил позади дома куст сычуаньского перца. Линь Мудун сорвал несколько свежих перцев, бросил их в горячее масло, и вскоре по кухне медленно поплыл аромат.

Небо ещё не успело окончательно стемнеть, когда Сяо И притащил с горы свежий ствол бамбука. Во дворе он расщепил его, разделил на длинные тонкие полосы и принялся плести бамбуковую корзину. Боковые ветви с листьями срубил и разложил во дворе - когда высохнут, их можно будет пустить на растопку.

С кухни доносился тихий стук чашек, котлов и прочей утвари, а запах горящих дров и горячего масла выплывал из дверей и окон, заполняя весь двор. Прежде тихий и пустынный маленький двор словно вдруг ожил. Сяо И постепенно перестал работать и издали посмотрел на занятую фигурку молодого гэра в кухне. В памяти неожиданно всплыли давно забытые картины.

Вот он играет во дворе с рогаткой, а мать готовит на кухне ужин для всей семьи - самый обычный суп с квашеной капустой и мучными клёцками. Под вечер отец возвращается домой, держа в руке связку горных крабов для них. Втроём они сидят при свете масляной лампы, смеются, разговаривают и ужинают.

Такой простой, ничем не примечательный вечер почему-то остался самым ясным воспоминанием в его памяти.

<http://bllate.org/book/19002/1925684>